

Окружающие не стали тратить слова понапрасну, сразу расступились и стали ждать результатов осмотра.

Тело посла Гуцзи лежало на кровати — всё точно так же, как вчера. Очевидно, Цао Мань уже продумал свою стратегию: даже если посол был отравлен и это докажет, что кто-то подставил Бэйянь, для него это уже не имело значения.

В конечном счёте, происходящее здесь не требовало «увидеть, чтобы поверить» и не нуждалось в какой-либо истине. Достаточно было иметь красноречие и твёрдую руку — и ложь становилась правдой.

Цао Мань внутренне усмехнулся, скосив глаза на Нин Су.

Та, словно почувствовав взгляд, слегка повернула голову и ответила ему лёгкой улыбкой.

Эти двое словно сидели по разные стороны шахматной доски. Поле битвы было расчерчено, чёрные и белые сошлись в схватке, нанеся друг другу урон, и теперь каждый приставил острое лезвие к горлу противника. Ситуация замерла в патовом состоянии.

Теперь всё зависело от того, чей клинок окажется быстрее, чей следующий удар — сокрушительнее.

Очевидно, клинок Нин Су был чуть быстрее.

Вань Цзюньи не была судебным экспертом, но понять недуг живого или мёртвого для неё не составляло большого труда — нужно лишь ощутить «нить» болезни от начала до конца. Поэтому уже через четверть часа она определила причину смерти.

— Кровь почернела, под кожей — сгустки, словно тело коптили. Губы тёмно-фиолетовые, сомкнуты, запаха нет, внешняя сторона зубов не почернела — яд попал не через рот. По бокам переносицы — чёрные пятна, нос мягкий, будто без кости, — яд вошёл через нос. В горле множество сгустков крови, яд сильнодействующий. Чёрные пятна распространились только до груди, яд не имеет формы.

Вероятно, смерть наступила от ядовитого дыма, попавшего через нос. На теле покойного, кроме раны на животе, нет иных свежих повреждений — значит, яд подействовал мгновенно. Кроме того, края раны от ножа ровные, кровопотеря минимальна — значит, рана нанесена уже после смерти.

Едва она договорила, посол Бэйяня Жу Янь рассмеялась, ловко подхватив нить.

— Видимо, тот, кто задумал эту клевету, перехитрил сам себя: украл символ Бэйяня, убил ножом, похожим на наш, — и думает, что этого достаточно? Хе-хе, небеса не слепы. Не так ли, господин Цао?

Услышав это, Цао Мань лишь усмехнулся, не удостоив ответом.

А Нин Су, сидевшая напротив, спросила Вань Цзюньи:

— А яд этот ты знаешь?

— На самом юге Цянь, у моря, растёт ядовитое растение — гуйшэцзы. Его аромат напоминает цветение персика, он вызывает обморок, а при частом вдыхании человек уже не приходит в

себя. Умершие от его ядовитого дыма покрываются чёрными пятнами выше груди, а лицо выглядит закопчённым. Гуйшэцзы при горении не пахнет, и если сделать из него отраву, убийство станет невидимым.

Наньцюань лежал на крайнем юге Цянь, у моря, — до Бэйяня десятки тысяч ли. Лоюэ и Цзюэма отделены границами Чанцюэ и Юньчжуна — добыть оттуда ядовитое растение и изготовить яд невероятно сложно. Так чьих это рук дело — вопрос риторический.

Неудивительно, что все взгляды обратились на дипломатического представителя Цянь — Цао Маня.

Этим ходом Нин Су будто провела лезвием по его горлу.

Даже если бы он теперь попытался перевести стрелки на Цзюэма, сославшись на вчерашнее покушение, это не изменило бы ситуацию, а лишь усилило бы подозрения в адрес Цянь.

Поэтому Цао Маню оставалось только сделать ответный ход.

Под тяжёлыми взглядами собравшихся он громко рассмеялся, не теряя внешнего спокойствия.

— Успокойтесь. Разве стал бы я травить? Подумайте сами — будь это моих рук дело, разве оставил бы я такие улики? К тому же мне известно, что лишь спустя две четверти часа после смерти рана перестаёт кровоточить. Очевидно, здесь замешаны двое.

Услышав это, все вопросительно посмотрели на Вань Цзюньи. Та молча кивнула, подтверждая его слова.

Увидев это, Цао Мань улыбнулся:

— Всё так, но возможен и иной вариант. Убийца намеренно всё подстроил, чтобы обвинить меня и сорвать переговоры между пятью государствами!

Воцарилось молчание.

Цао Мань посмотрел на Нин Су. Теперь клинок от его горла отведён, а её собственное лезвие впилося в её плоть.

Но Нин Су не дрогнула, и Цао Мань не смог ничего прочесть в её спокойных глазах, скрытых за маской.

Тем не менее он решил развить успех.

— Разумеется, я вам безмерно доверяю. Вероятно, это дело рук еретиков из мира Уся, тех, что хотят сорвать переговоры...

С этими словами он достал из-за пазухи письмо.

При виде конверта зрачки Вань Цзюньи сузились, а кулаки сжались.

Это было её письмо.

Ли Чжао, стоявшая рядом, заметила перемену в госпоже Цзюнь. Её взгляд упал на конверт, лицо стало серьёзным. Она мысленно решила: если это письмо хоть как-то навредит госпоже Цзюнь, она немедленно вырвет его.

— Кх-кх... — В самый напряжённый момент Нин Су вдруг кашлянула. Само по себе это не было странно, но привлекло внимание остальных, особенно Вань Цзюньи и Ли Чжао.

«Не волнуйтесь» — таким был намёк, который Нин Су передала им.

Цао Мань прищурился. Он не понимал, откуда такая уверенность, но в этой партии он был обязан победить!

Не медля, он вскрыл конверт, вынул письмо и с уверенной улыбкой медленно развернул лист, готовясь зачитать...

Но письмо оказалось пустым?!

Цао Мань вытаращил глаза, улыбка сползла с его лица.

— Господин Цао, кх-кх... возможно, это тайнопись? Попробуйте смочить его водой, — с лёгкой улыбкой предложила Нин Су, указывая ему «верный путь».

Путь, что вёл в тупик.

Он понимал: содержание письма наверняка губительно для него. Если появится доказательство, Цянь может проиграть всё. Даже если послы других государств не станут настаивать сейчас, по возвращении они наверняка объединятся против Цянь, прикрываясь благородными целями, и страна потеряет последние остатки народной поддержки.

А сейчас в Цянь не было двух великих генералов эпохи У-ди, не было божественного защитника городов Ли Ли, не было стратега Цзи Хайлина, мастера разделения и соединения войск, не было отважного полководца Гуань Личжоу. Остались лишь Чжоу Чжоу с неясными намерениями, Ван Сюй, охраняющий Чанцюэ, Бай Сяо на юге, Байли Чуаньсин на севере и партизан Чжао Фэн.

Молодые же командиры, не успевшие возмужать, вряд ли сыграют значительную роль в войне — особенно учитывая, что у Лоюэ есть стратег, мастер побеждать малым числом.

Можно сказать, Цянь столкнётся с ударом четырёх государств, и даже при численном превосходстве шансов на победу почти нет.

Поэтому Цао Мань не мог принять этот удар.

Конечно, письмо могло быть и пустым листом, но он не мог рисковать.

Хотя на словах это вышло долго, в реальности прошло лишь мгновение.

— Нет-нет, я вчера изрядно перебрал — видно, перепутал письма. Но я уверен: это дело рук великого злодея из Улина — Цзян Чжао!

Едва прозвучало имя Цзян Чжао, Ли Чжао не выдержала. Она уставилась на коварного сановника Цао Маня, сжав кулаки так, что выступили жилы, дрожа от гнева.

Внезапно прохлада коснулась её сжатых пальцев — и бушующий в груди огонь слегка утих.

Она повернулась к госпоже Цзюнь. Та была серьёзна, брови слегка сведены — явно её тоже обуревал гнев, но она оставалась спокойна.

Ли Чжао тоже понимала: нападать на Цао Маня здесь было бы глупо, это могло навлечь беду на других.

Она тихо сделала глубокий вдох, сдержала ярость и слегка разжала кулаки, хотя взгляд её по-прежнему пылал.

Цао Мань, конечно, это заметил, но выбора у него не было. К тому же он был уверен: посол Лююэ ни за что не позволит этой девчонке сейчас наброситься на него.

Так и было: силовой конфликт здесь никому не был бы выгоден.

Что до имени Цзян Чжао — оно гремело по всему свету. Ведь злодеяние в Улине было связано с нечто крайне зловещим, и все государства следили за делом. Послы, разумеется, тоже были в курсе.

Да, они понимали, что в истории с Улином было много тёмных пятен, и Цзян Чжао, скорее всего, стал козлом отпущения. В последние годы, едва Цянь попадался на чём-то неприглядном, вину тут же сваливали на Цзян Чжао. Иностранцам оставалось лишь требовать, чтобы Цянь поскорее нашёл настоящего преступника и возместил ущерб.

И вот Цянь снова пускает в ход старый трюк — и им остаётся лишь смириться. Ведь внешне все хотят сохранить мир и надеются на успех переговоров.

К тому же Цао Мань уже сделал шаг назад — по крайней мере, не стал оглашать содержание письма.

— Раз это стало «внутренним делом» Цянь, мы не станем вмешиваться. Кх-кх... Если посол Гуцзи считает инцидент исчерпанным, полагаю, и посол Бэйяня не станет настаивать.

Едва он закончил, посол Бэйяня Жу Янь кивнула, первой высказав свою позицию.

Посол Гуцзи Ели Дулу, надеясь выторговать у Цянь уступки, тоже предпочёл не усугублять, сделав Цао Маню одолжение.

Неудовлетворёнными результатом остались лишь двое — Ли Чжао и Вань Цзюньи.

<http://bllate.org/book/16264/1463855>